

Первая прививка сливы

Юнь Сыгуй, видя, что Юэ Лофу не в духе, с улыбкой сказал: «Маленькая Алая птица за эти несколько дней на Пике Ста Чжанов поправилась на два фунта и целый день щебечет без умолку».

Юэ Лофу усмехнулась: «Эта малявка размером с ладонь, даже если бы ела железо и медь, как она могла так быстро поправиться?»

Юнь Сыгуй улыбнулся: «Пойдёшь, согласишь — узнаешь».

Юэ Лофу немного помедлила: «У меня здесь ещё есть кое-какие дела, я пойду с тобой завтра».

Юнь Сыгуй сказал: «Тогда я буду ждать тебя завтра в павильоне за горой».

Сказав это, он снова улетел.

Раз Юэ Лофу уходит, Те Хэнцю понял, что и ему в этой усадьбе больше оставаться нельзя.

Юэ Лофу лично проводила его до калитки и сунула ему в руки сумку из семени горчицы: «Дальше тебе придётся идти самому».

Те Хэнцю попрощался с Юэ Лофу и поспешил по тропинке за горой. Уже почти покинув пределы усадьбы, он случайно столкнулся с юношей в синей одежде, несшим на плече мотыгу.

Те Хэнцю, конечно, узнал его. Это был слуга шестого молодого господина по имени Аньянь, тот самый, что наступал ему на лицо и бил его кнутом.

Увидев идущего навстречу Аньяня, Те Хэнцю инстинктивно почувствовал холодок по спине, словно его снова ударили палкой.

Аньянь, увидев Те Хэнцю, тоже удивился. Он прищурился, оглядел его с ног до головы и скривил губы в едкой усмешке: «Это не собака ли?»

Сердце Те Хэнцю сжалось, он понял, что сегодня добром это не кончится. Подавив страх, он с деланным спокойствием сказал: «Фея Лофу дала мне поручение».

Аньянь усмехнулся и, преградив ему путь мотыгой, сказал: «Фея Лофу скоро уедет, а ты всё ещё думаешь, что можешь прикрываться её именем?»

Слова Аньаня были как удар ножом в сердце.

Он понимал, что с уходом Юэ Лофу он лишится своей защиты, и Аньань, очевидно, это тоже понял. Те Хэнцю, подавив панику, выпрямился и холодно сказал: «Именно потому, что фея Лофу скоро уезжает, она и поручила мне срочно выполнить одно дело. Прошу тебя, уступи дорогу».

Аньань усмехнулся ещё презрительнее: «О, всё ещё притворяешься? Фея Лофу сказала, что уезжает, но не упомянула, что заберёт тебя. Похоже, она бросила тебя, как ненужную вещь. Так что ты — всего лишь никому не нужный мусор! Сегодня я хорошенько проучу тебя от имени шестого молодого господина!»

С этими словами Аньань, не раздумывая, замахнулся на него мотыгой.

Те Хэнцю, увидев это, собрался и увернулся от удара.

Аньань, промахнувшись, удивился: «Ты открыл духовную запертую точку?»

Те Хэнцю выдохнул: «Я получил наставления от феи, я больше не смертный. Если ты будешь настаивать, никому от этого лучше не станет, зачем это?»

Аньань оглядел его с ног до головы и презрительно усмехнулся: «Всего лишь никчёмный духовный корень, а смеешь мне перечить? Моя кость меча вскормлена божественным древом, тебе ли со мной тягаться?»

Те Хэнцю вынужден был признать его правоту.

Он наизусть выучил все книги для начинающих из сумки Юэ Лофу и прекрасно понимал, что он — всего лишь смертный, без всяких способностей к совершенствованию.

Даже если Юэ Лофу и открыла его духовную запертую точку, его духовные корни были слабыми, а кость меча — низшего качества, хуже, чем у самого последнего слуги в Усадьбе божественного древа.

Аньань хмыкнул, внезапно оказался перед ним и со всей силы ударил его в грудь.

Те Хэнцю был начеку, но удар был слишком быстрым, и он не успел увернуться.

Удар был такой силы, что он отлетел на несколько метров и упал на спину, обдав себя грязью.

Едва он приподнялся, как Аньань наступил ему на грудь: «Собака должна валяться в грязи!»

Грудь Те Хэнцю горела, его глаза покраснели, но он упрямо смотрел на него.

Аньань, увидев его взгляд, усмехнулся: «Ай-ай, побыл с феей пару дней и уже возомнил себя человеком, характер появился?»

Не успел Те Хэнцю ничего ответить, как его схватили за воротник и резко подняли.

Аньань усмехнулся: «Разве не получил наставления от феи? Где же твои способности?»

Не договорив, он ударил его по лицу.

Те Хэнцю снова упал, и его тут же пнули в живот. Он свернулся калачиком от боли.

«Мусор! Дохлая собака!» — ругался Аньань, нанося ему удар за ударом.

Последний удар пришёлся прямо в грудь. В горле у Те Хэнцю что-то булькнуло, он выплюнул сгусток крови и, склонив голову, затих.

Он лежал на земле, как куча мусора.

Аньань презрительно сплюнул: «Если бы шестой молодой господин не хотел ещё поиграть с тобой, я бы тебя убил. Считаю, тебе повезло».

Сказав это, он наклонился, чтобы поднять его.

В тот миг, когда он закинул его на плечо, его позвоночник пронзила обжигающая боль.

Он, скривившись от боли, обернулся и встретился с налитыми кровью глазами — Те Хэнцю стиснул зубы, его пальцы, как железные крюки, вонзились в его точку дачжуй.

Хруст!

Под треск ломающихся костей Аньань увидел, как его собственную кость меча, двадцать лет вскармливаемую соком божественного дерева, вырвали из его тела вместе с мясом и сухожилиями.

Окровавленная белая кость, как умирающая змея, дёргалась в пальцах Те Хэнцю.

Аньань рухнул на землю. Те Хэнцю, сплюнув кровь, растянул губы в улыбке до ушей: «О, так вот она какая, хорошая кость меча, не зря ты так гордился».

Те Хэнцю провёл пальцами по сочащейся крови: «Мне тоже нравится. Теперь она моя».

Не успел он договорить, как кость вошла в его спину. Плоть и кожа сомкнулись вокруг неё с шипением, как от раскалённого железа, опущенного в воду.

В глазах Аньаня застыл ужас: «Злой... злой совершенствующийся... ты — злой совершенствующийся!»

«Злой совершенствующийся? — подумал Те Хэнцю. — Значит, и знаменитое „Искусство прививки сливы“ — тоже злое?»

Он не стал долго раздумывать. В тот миг, когда кость меча вошла в его тело, он почувствовал себя лёгким, как пёрышко, словно переродился. Он наконец понял, почему его собственную кость называли «никчёмной» — по сравнению с этой, вскормленной божественным деревом, это была пропасть между небом и землёй.

Аньань, дрожа всем телом, лежал на земле. Он смотрел, как Те Хэнцю медленно приближается, его зрачки сузились от ужаса, вся его прежняя надменность испарилась.

Он ударился лбом о землю: «Прошу... прошу, пощади!»

Те Хэнцю носком сапога приподнял его подбородок, заставив поднять заплаканное лицо: «А собакой быть хочешь?»

Аньань тут же залаял: «Гав! Гав!»

Не успел он договорить, как пальцы Те Хэнцю сжали его плечо. Раздался хруст, и он закричал от боли.

Те Хэнцю, склонив голову, смотрел на его искажённое лицо, пока капли крови стекали с его пальцев: «Я не люблю шумных собак».

Аньань уже не мог говорить, лишь отчаянно мотал головой, его глаза были полны ужаса.

Но Те Хэнцю не остановился.

Он дёрнул пальцами, и грудная клетка Аньаня была разорвана. Сердце и лёгкие были раздроблены, кровь хлынула фонтаном, окрашивая опавшие листья.

Те Хэнцю встал, холодно взглянул на труп и пошёл прочь.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как перед ним возник белый силуэт.

Его зрачки сузились: «Фея...»

Юэ Лофу стояла неподалёку. Её взгляд упал на окровавленную землю, в её глазах промелькнуло удивление, сменившееся горем. Она подняла глаза на Те Хэнцю, её голос дрожал: «Ты... ты использовал „Искусство прививки сливы“...»

Те Хэнцю чувствовал, что должен что-то сказать, но в итоге лишь молча закрыл рот. Капли крови с его пальцев падали на опавшие листья, превращаясь в маленькие точки.

Юэ Лофу с болью произнесла: «Как ты мог...»

Те Хэнцю не стал оправдываться, лишь спросил: «Фея убьёт меня, чтобы покарать зло?»

Пальцы Юэ Лофу побелели, она хотела что-то сказать, но не могла.

Те Хэнцю кивнул, его взгляд был ледяным: «Конечно, вы меня не убьёте».

Юэ Лофу с удивлением смотрела на этого холодного юношу. Она поняла, что никогда не видела его таким — неужели это и был настоящий он?

Те Хэнцю продолжил: «Фея добра. Вы видели, как шестой молодой господин хотел меня убить, но не стали его наказывать. Вы знали, что в Усадьбе божественного дерева творятся тёмные дела, что смертных используют как удобрение, но всё равно жили здесь. Значит, и сегодня, когда я убил, чтобы защитить себя, вы тем более не тронете меня».

Его слова ранили её в самое сердце: «Так ты меня винишь?»

«Конечно, нет, — серьёзно ответил Те Хэнцю. — Я всегда был вам благодарен».

Юэ Лофу, широко раскрыв глаза, молчала.

«И, — нахмурился Те Хэнцю, — я за вас беспокоюсь».

Юэ Лофу удивилась: «Беспокоишься за меня?»

Те Хэнцю сказал: «С вашим характером в мире совершенствующихся долго не проживёшь».

Юэ Лофу горько усмехнулась: «Ха... я и так несчастна».

Те Хэнцю возразил: «Вы не верите тем мужчинам, и это хорошо, но почему вы верите Юнь Сыгую?»

Юэ Лофу растерялась, её лицо выражало сложные чувства: «Он мой друг, и он... он не такой, как другие...»

Она не договорила. «Юнь Сыгуй предпочитает мужчин, мы с ним — как сёстры, он не из тех, кто гонится за богатством и красотой», — подумала она.

Но сказать это ребёнку она не могла.

Те Хэнцю не был наивным ребёнком, он всё прекрасно понимал.

Он решил больше не скрывать своих мыслей: «Я молчал, потому что понимал, что не стоит вмешиваться в чужие отношения, но сейчас я вынужден быть прямолинейным. Раз уж вы понимаете, что ваше положение опасно, и те, кто клянутся вам в любви, ненадёжны, почему вы думаете, что мужчина, который называет себя вашей сестрой, — хороший?»

Юэ Лофу не ожидала такой прямоты, её лицо изменилось: «Ты с ним и слова не сказал, а уже решил, что он плохой?»

Те Хэнцю пожал плечами: «Бережёного бог бережёт. Считайте, что я просто подозрителен».

Юэ Лофу не нашлась, что ответить.

Те Хэнцю же продолжал: «На вашем месте, зная, что на меня охотятся, и будучи такой слабой, я бы нашёл безопасное место, установил бы защитные формации и ушёл бы в уединение на десять месяцев, не доверяя никому и никого не видя».

Юэ Лофу лишь качала головой. «Этот ребёнок слишком категоричен! Может, я совершила ошибку, отдав ему „Искусство прививки сливы“?»

Она вздохнула: «Хэнцю, я знаю, что тебе тоже нелегко, не стоит обо мне беспокоиться».

Те Хэнцю, опустив голову, смотрел на свою окровавленную руку и молчал.

Глядя на юношу, всего в крови и грязи, Юэ Лофу горько усмехнулась, достала нефритовую табличку и тихо сказала: «Если у тебя будут трудности, свяжись со мной с помощью этой таблички».

Она помолчала, в её глазах были и беспомощность, и сострадание. «...Ах, надеюсь, она тебе

никогда не понадобится».

Сказав это, Юэ Лофу помогла ему избавиться от тела Аньаня и поторопила его уходить.

С тех пор Те Хэнцю больше не видел Юэ Лофу.

Впрочем, покинув усадьбу, он и вправду некоторое время жил спокойно.

Кость меча Аньаня, хоть и считалась низкокачественной в великих кланах, всё же была вскормлена божественным деревом, и её было достаточно, чтобы обеспечить ему долгую и спокойную жизнь в мире смертных.

Те Хэнцю жил среди людей, сажал цветы, пил вино, в свободное время читал романы и был вполне счастлив.

Но однажды это спокойствие было нарушено.

Он с увлечением читал какой-то роман, когда почувствовал вибрацию у пояса.

Это была нефритовая табличка от Юэ Лофу.

Те Хэнцю удивился: «Как так, я её не искал, а она сама меня нашла?»

Он хотел было взять табличку и ответить, но не успел он и слова сказать, как табличка в его руке разлетелась на восемь частей.

В воздухе появилась лишь одна строка: «Школа Сокрытого облака, Котёл передачи духа...»

Сердце Те Хэнцю сжалось.

Вскоре по всему миру совершенствующихся разнеслась весть, что фея Лофу скончалась от болезни в Школе Сокрытого облака.

Глава школы Юнь Сыгуй, будучи её близким другом, в горе усыновил её осиротевшего ребёнка и заботился о нём, как о родном.

Те Хэнцю, обеспокоенный, навёл справки и узнал, что Котёл передачи духа — это сокровище Школы Сокрытого облака.

Обычно он хранился в запретной зоне, и не только посторонние, но и большинство личных

учеников не имели возможности его увидеть.

Лишь ученики с выдающимися способностями, достигшие стадии в полушаге от Преображения духа, могли использовать этот артефакт.

Поэтому он и назывался «передающий дух».

По слухам, последним, кто использовал котёл, был Юнь Сыгуй.

Вскоре после смерти Юэ Лофу он ушёл в уединение в запретной зоне и, выйдя, достиг стадии Преображения духа.

«...Похоже, чтобы разгадать тайну этих слов Юэ Лофу, — подумал Те Хэнцю, — мне нужно попасть в Школу Сокрытого облака и достичь стадии в полушаге от Преображения духа».

А Те Хэнцю в то время... был лишь на стадии Переработки ци.

Такому, как он, без знатного происхождения, чтобы попасть в такую великую школу, как Школа Сокрытого облака, нужно было либо обладать выдающимися духовными корнями, либо достичь хотя бы стадии Возведения основ.

К сожалению, его духовные корни были слабыми, у него не было денег на эликсиры, и не было наставника.

Полагаясь лишь на заученные наизусть книги для начинающих и упрямство, он потратил пятьдесят лет, чтобы едва достичь стадии Возведения основ.

Укрепив своё совершенствование, Те Хэнцю подделал себе биографию и под видом заурядного мечника с трудом попал в Школу Сокрытого облака, став самым незаметным учеником внешней ступени.

В день посвящения великие мастера школы собрались на помосте, чтобы осмотреть новых учеников.

На «посредственного» Те Хэнцю, конечно, никто и не взглянул, и он стоял в углу.

В тот день шёл мелкий дождь, и всё вокруг было размыто.

Высокопоставленные совершенствующиеся, сильные и могущественные, не боялись дождя и гордо стояли под ним, как сосны и бамбук.

Лишь один бледный юноша, как нежный цветок, лежал на мягкой кушетке под зонтом.

Но в этом хрупком, как белый цветок сливы, силуэте чувствовалась некая острота.

Те Хэнцю прочитал множество романов, видел на бумаге множество историй о любви, но лишь увидев это лицо, он понял, что такое любовь с первого взгляда.

Ему показалось, что он перестал дышать. Он понял, что описанное в книгах головокружение от любви — это именно то, что он сейчас чувствовал, даже его сердце трепетало.

Кто-то тихо подсказал ему: «Это Юэ-цзунь, он уже достиг стадии Преображения духа».

Те Хэнцю был поражён. «Этот человек моложе меня, а уже достиг такой высоты?»

Действительно, разница между людьми больше, чем между человеком и собакой.

Но тут он услышал, как все обсуждают, что Юэ Бочжи уже достиг стадии Преображения духа, и не удержался: «Раз так, то он... использовал Котёл передачи духа?»

<http://bllate.org/book/16975/1588386>